

БЕСКОНЕЧНО МАЛЫЙ МОМЕНТ СВОБОДЫ

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ПРОФЕССОРУ В.Б. РЕМИЗОВУ

— Виталий Борисович, вы неоднократно писали и говорили (в том числе, и на лекциях на филфаке ВГУ, которые мне в свое время выпало счастье прослушать), что для Льва Николаевича Толстого ничего выше свободы — не было. Именно к этому идеалу он стремился приучить и русского читателя. Как вы думаете, ему это удалось?

— «Бесконечно малый момент свободы» — вот то, что дано человеку и о чем рассуждает Толстой в «Войне и мире». Малости оказывается более чем достаточно. Если есть сама возможность свободы, то есть выбор, и у него векторов столько, сколько радиусов в круге. Между добром и злом, красотой и безобразием, насилием и непотребием, храбростью и трусостью, правдой и ложью, достоинством и раболепием и т.д. Любой поступок человека соизмерим с парадигмой «нравственно и безнравственно». Обращаясь к текстам Толстого, читатель знает, что они не пробудят в нем ни жестокости, ни жажды насилия, ни стремления к властолюбию. С высоты нравственного идеала он смотрит на жизнь и не боится изображать ее высоты и бездны. Толстой все время будто говорит собеседнику — ты свободен делать добро или хотя бы стремиться совершить нравственный выбор («делай, что должно»), а что из этого выйдет, не дано знать никому («будь, что будет»). При жизни Толстой был властителем дум и сердец людей разных поколений, разных профессий, национальностей, вероисповеданий. Свидетельств тому много — от высказываний простого мужика до признания европейски образованного писателя. Антон Чехов: «Что с нами будет, когда умрет Толстой? Страшно подумать». Александр Блок: «С Толстым ушла мудрая человечность». Томас Манн: «Если бы был жив Толстой, Первой мировой войны не было». Таков нравственный авторитет Толстого при жизни.

Потому так боялись его огненного слова (к сожалению, и сегодня бояться) представители власти, гонители свободы. Книги «Посредника», издательства, которое создал Толстой и в котором сотнями тысяч экземпляров выходили его произведения, были почти в каждом крестьянском доме. Сегодня миллионными тиражами изданы народные рассказы Толстого в Японии и Южной Корее. «Война и мир» занимает первую строчку в рейтинге лучших романов человечества и вторую по тиражам после Библии. Но не будем обольщаться всем этим. Сегодня, конечно, не так, как сто лет назад, любят и читают Толстого. Но кто вдумчиво читает его, не может не чувствовать себя свободным. Погружая читателя «зрачками в душу», Толстой говорит ему: будь верен себе, умей противостоять обстоятельствам, сделай свой выбор.

Приучить к идеалу свободы нельзя, но вдохнуть дух свободы в человека никогда не поздно. Над этой проблемой сегодня работают учителя «толстовских школ». Это не школы, где навязывают толстовство. Это школы, где ребенок раскрывает данный ему от Бога «ген свободы», а потом уже сам решает, что есть мир, что есть он и каково его место в мире, каков его путь жизни. Это школы светской духовности, а она в основе религиозна, ибо соединяет конечное существо с вечным началом мира.

— Известно, что Толстой предложил свой путь земельной реформы в России. Он взял теорию Генри Джорджа, посмотрел на нее сквозь призму российских проблем и написал несколько очень важных работ. Почему он не был услышан в свое время и насколько актуальны сегодня его взгляды в этом вопросе?

— Во времена Толстого Россия по преимуществу была аграрной страной, и правильное решение земельного вопроса позволило бы

выйти из нищеты и социального неравенства. Идея Генри Джорджа заключалась в том, чтобы отказаться от разного рода налогов, включая налог на труд, и ввести единый налог на землю. Что собой представлял бы этот налог? Плата в общегосударственный котел только одного (единого) налога с земли, который учитывал бы ее качество (на одних урожайность выше, на других ниже; одна земля хранит в своих недрах несметные богатства, на другой земле находятся фабрики и заводы, а третья — отдана под пристань, базарную площадь и т.д.) и доходность, получаемую от деятельности на ней.

Оценив так всю землю, деньги эти, принадлежащие всему обществу, Генри Джордж предлагал употребить на социальные нужды.

При таком налоге, полагал Джордж (и Толстой был с ним согласен), земля попала бы в руки тех, кто сам работает на ней, а не была бы в руках праздных владельцев, рабочие люди из городов стали бы возвращаться в деревни, все вещи в силу упразднения многих налогов были бы в два-три раза дешевле.

Если бы это произошло, то это было бы намного революционней, чем Великая французская революция и гражданская война в США. Так считал сам Джордж, так думали некоторые крупные экономисты начала XX века.

И Джорджа, и Толстого не хотели слушать потому, что их воззрения открывали путь к бескровной революции, ведущей к реальному равенству и реальному благоденствию. Но владеющие капиталом и миром от своего никогда не откажутся. Земля не может быть предметом торговли так же, как вода и воздух. Каждый вправе на тот кусок земли, который ему по зубам. Всеобщее достояние — земля — делится между людьми, и через систему налогов они несут ответственность за ее сохранность и доходность. Сегодня же земля — предмет купли-продажи, и наш бедный в прямом смысле народ опять остался безземельным. Лучшие земли скуплены по существу за бесценок, а налоги с них платят копеечные. Зато другие налоги, как и кредиты, аховые. Не о человеке и его счастье думают власти предрекающие, а без стыда и совести служат Маммоне.

У Толстого есть статья «Стыдно». Ему, великому писателю, было стыдно, а тем, кто грабит и потешается над простыми людьми, не было и не будет стыдно. В «Солярисе», в фильме Андрея Тарковского, Крис Кельвин говорит: «Стыд — вот чувство, которое спасет человечество».

Спасет ли? И как долго нам ждать пробуждения этого чувства в тех, кто привык торговать землей и совестью.

— *Виталий Борисович, во время ваших лекций на филологическом факультете ВГУ вы убеждали студентов, что русскую литературу второй половины XIX века необходимо читать через призму философии. С чем это связано?*

— Думаю, что не только на русскую литературу второй половины XIX века, но и на всю русскую литературу надо смотреть сквозь «магический кристалл» философии. Это позволяет не раздирать человека в миру и мире на части, а думать о нем и отображать его целостно как подобие Бога, точнее, с той высоты, которая «свыше нам дана». На этом пути художника ждут одни только тайны. Разгадывать их надобно, чтобы хорошо и правильно жить.

Тому и были посвящены «Поучения Владимира Мономаха», «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Слово о походе Игоря», жития святых и преподобных старцев, духовная лирика русского средневековья. А потом и звонкий стих Ломоносова («Открылась бездна звезд полна, Звездам нет счета, Бездне дна») прорвался сквозь узость пространства к высотам и безднам.

Главные носители художественного слова были по складу характера и творческому горению универсалами. Титаны в словесном искусстве, они становились вершинами в горной гряде. Вокруг них были высоты поменьше, а вместе они образовали мощный массив, имя которому русская литература. Ломоносов и Державин, Фонвизин и Радищев, Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Герцен, Тургенев и Достоевский, Толстой и Чехов.

Так уж сложилось, что русские писатели входили в литературу тогда, когда в Европе отзвенела та или иная эпоха философии. Это «запаздывание» было плодотворным для русского гения. Он вбирал предшествующий опыт и через художественный образ поднимал его на новый уровень: философия, растворяясь в искусстве, обретала дополнительные, а подчас совершенно иные смыслы, а в искусстве ощущалась бытийная основательность.

Есть и еще одна особенность русского гения. Насыщенность нравственно-религиозных исканий, нередко оборачивавшаяся изображением крайностей: высоты духа, с одной стороны, и поляны житейской жизни, а порой и болота, с другой; борьбы двух начал — «идеала Мадонны» с «идеалом Содомы». Желание «во всем дойти до самой сути», найти разумное обоснование жизни, проникнуть в тайны индивидуального сознания и подсознания заметно усложняло представление о человеке и мире.

В русской литературе искусство и философия, «сопрягаясь» (Толстой), образовывали континуум мудрости — высшую форму само-

миропознания. Чем раньше человек войдет в реку мудрости, тем состоятельней и значимей будет его жизнь.

В гениальных произведениях русской литературы мы как раз и имеем дело с откровениями от Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова...

Через приобщение к высокой классике мы поднимаемся на ступеньку выше в нашем развитии, легче отыскиваем свой путь жизни, начинаем понимать, что СЛОВО — дар Бога, который надо беречь и развивать в себе.

— *Вы являетесь почётным членом оргкомитета фестиваля «Липецкие театральные встречи». А какие духовные итоги вы ожидаете от подобных «Встреч»?*

— Из 28 липецких фестивалей театральных встреч 25 были связаны с именем А.П. Чехова, последние три — с именем Льва Толстого. Трудно, не являясь специалистом в области театрального искусства, возглавлять жюри фестиваля. Ощущаешь колоссальную меру ответственности за каждое сказанное слово. При разборе спектаклей, глядя в глаза режиссеру, актерам, стараешься находить такие слова, которые не искажают сути увиденного и услышанного, звучат искренне. Говорить правду нелегко, но говорить надо, и, в то же время, говорить так, чтобы не ранить душу артиста.

Традиционно липецкие встречи — это встречи людей разных специальностей, раздумывающих о судьбах искусства и о том, что есть человек и каково его место в мире. В дни фестивальных спектаклей проходит научно-практическая конференция, посвященная той или иной актуальной проблеме. В ней участвуют актеры и режиссеры, литературоведы, театроведы, литературные критики, учителя, студенты. На сцене встречаются разные театральные школы, разного масштаба театральные коллективы России и зарубежных стран. Фестиваль в Липецке — это духовная квинтэссенция нашего времени. Зритель хорошо это чувствует. Он подготовлен к восприятию не только классических, но и авангардистских постановок. Академический Липецкий театр носит имя Л.Н. Толстого. Обращение к наследию писателя и мыслителя сегодня организаторы фестиваля сочли весьма важным.

В дни фестиваля мне приходится встречаться со многими людьми, и я вижу их трепетное отношение к происходящему, чувствую, что растет их потребность в подлинном духовном общении. Фестиваль далек от шоу. Не все проходит гладко, не все спектакли есть предмет искусства. Но есть такие постановки, после которых происходит внутреннее преобразование. Об этом говорят сами зрители, и

организаторы тоже не могут этого не чувствовать. Разве не ради этого возвышения душ мы совершаем свое путешествие по жизни? Разве не в таком духовно напряженном пространстве должна происходить встреча поколений? И потому у фестиваля нет итогов, он открыт в будущее, он движущаяся субстанция, расширяющая свои нравственные и эстетические владения, охватывающая собой юность и старость, подвигающая нас к мудрости. Все зависит от того, какую планку поставишь перед собой. Ставь выше, жизнь снизит. Так думал Толстой. Объективно, может быть, и снизит, но субъективно вряд ли. Заданная высота — это цель жизни, и она недостижима, а движение к ней вечно. Высока планка липецких встреч, нам еще долго придется тянуться до нее, но с каждым годом мы все-таки ближе к ней.

— *Ваша педагогическая деятельность больше похожа на служение, а не на работу. Чувствуется, что в основе вашей деятельности лежат толстовские принципы. Можете сказать — какие?*

— О педагогике надо говорить отдельно, не всуе. Поэтому сейчас скажу эскизно. Работая учителем в школе, педагогом в вузе, я никогда не уставал. Меня не пугал объем нагрузки. Иногда приходилось давать по десять уроков в день или читать шесть лекций кряду. А что такое читать в один день на разных курсах от Пушкина до Толстого? Каждое имя, будь то Лесков или Чехов, — особая планета. О каждом надо было говорить по-особому, везде и всюду сопереживать, будто это моя жизнь, а не жизнь героев, мои страдания, разделенные с ними, мой спор в пространстве эпох с великими собеседниками о самом главном.

Иногда студентам и учителям задавал вопрос: какое Слово самое главное для каждого из нас? Многое чего слышал, но почти никогда то, что хотел бы услышать. А «главное слово» кому-то покажется скучным, затасканным и затертым, и от того, что так происходит, на душе поднимается невыразимая тоска. Слово это — служение. Не для себя живу, то есть живу-то я вроде бы для себя — ем, пью, сплю, бодрствую — все для себя, но ведь все это делаю не для того, чтобы просто быть сытым, отдохнувшим, в себе самом и для себя пребывающим.

Свое Я реализую через Не-я. Ищу себя в инобытии — читаю ли книгу, слушаю ли песню, говорю ли с кем. В другом ищу себя, другому брат, друг, любовник, союзник, муж, отец... Слуга Бога в этом мире, и искра Божеского служения дана каждому из нас. Страдаю, когда вижу, как искра в ком-то угасла и восторжествовала тьма. Хочется протянуть

руку помощи, сам нуждаюсь подчас в этой помощи, и благодарен людям, что они не бросают меня в одиночестве, и я стремлюсь отвечать им добром и служением.

Входя в аудиторию, чувствовал всегда трепет от прикосновения к таинству, волшебству искусства на глазах у всех. Хотелось, чтобы поняли тебя, чтобы пошли вперед за русской классикой, чтобы осознали себя частью целого, почувствовали свою сопричастность вечному. Но главное — отыскиали самостоятельно свое место в жизни, свой путь служения людям, отечеству, Богу. Не ставя специально таких высоких целей, делал это благодаря русской и зарубежной классике. Она настраивала на столь возвышенный лад. За свою жизнь я провел более 1700 экскурсий по Ясной Поляне и другим музеям Толстого, прочитал более 10 тысяч лекций для студентов, учителей, школьников. Читал открытые лекции в Канаде, Италии, Японии, Южной Корее. Но до сих пор помню только два случая, когда слушатели отвергли меня. Не они были виноваты, а я, не сумевший понять их и найти подход к ним.

Естественно, что вся моя жизнь была связана с проблемами общения. Отсюда выход на школу, на философию современного образования.

Мне вдруг стало очевидным, что платоновская установка в образовании на ум, чувство, волю — недостаточна. Можно воспитать человека умного, чувствующего, волевого, но при этом он может стать злодеем, носителем «площадной пошлости». Необходима была корректировка платоновской триады с точки зрения духовно-нравственных ценностей. Но на этом пути сразу возникает опасность впасть в рутинную назидательность, нравственную шагистику, религиозную рутину. Нужна была такая педагогическая система, которая предполагала бы свободу выбора. Возникла новая парадигма: Разум, Культура чувства, Самостоятельность. За каждым из этих понятий закреплены целые блоки психолого-педагогических определений. Образно говоря, задача школы — научить ребенка плавать, а куда плыть и каким стилем, он решит сам. Если процесс общения протекает в парадигмах Разума, Культуры чувства, Самостоятельности как умения сделать собственный выбор, то можно надеяться на то, что ребенок не повернет в сторону плохого.

Другой важный момент: создание в школе таких условий, при которых в ребенке развивалось бы чувство социального партнерства, уважение к рядом живущему. Природа-мать наделила каждого ребенка только ему присущим даром. Толстой писал: «Надо ценить,

не ценить, а ставить выше всякой цены каждую жизнь человеческую». Отсюда и триада в «Школе Л.Н. Толстого»: «золотая голова, золотые руки, золотое сердце». Чем раньше дети начнут ценить друг в друге те или иные качества, тем скорее они овладеют социальным партнерством и искусством общения, лишеного социального высокомерия и интеллектуального эгоизма.

И еще один важный принцип в толстовских школах: единство общечеловеческого, национально-исторического и индивидуально-неповторимого. Ни одно из этих начал не является доминирующим. Все они равновелики.

Толстовские школы светские по своей направленности. Но это особого рода светскость. Она восходит к трактовке понятия религии как связи конечного с бесконечным. Важно провести ось через сердце ребенка от Земли к Небу, поднять его головку кверху, дать ему почувствовать, что он часть целого мироздания, что он соединен пуповиной с Космосом, но не жалкая его песчинка. В толстовских школах есть ряд новых предметов по светской духовности: «Чаша жизни» (1-6 классы), «Познай себя» (7-8), «Этика жизни» (9-10). Особого внимания заслуживает курс «Круг чтения» — от «Азбуки Льва Толстого» (1) до романов Достоевского и Томаса Манна в выпускном классе.

Метод обучения, открытый Толстым, долгое время был не востребован. При внедрении его в сегодняшнюю школу он используется поверхностно. Необходимо было сделать шаг вперед в освоении этого метода учителями современной школы. В толстовских школах метод психологической адаптации стал ведущим. Обычно учитель предлагает ребенку новые знания. В Школе Толстого учитель идет к новым знаниям от опыта ребенка. Изменение вектора получения новых знаний привело к заметному росту знаний в среде учеников. Росту знаний способствовал и изначально взятый курс на единство духовного и физического развития ребенка. В ходе эксперимента стало ясно, что общедуховное становление личности ребенка и его физическое здоровье положительно сказались на развитии его интеллекта.

Школа Толстого — это философия образования, создание новых предметов, корректировка традиционных предметов, большая методическая работа с учителями, внедрение в школьную практику нового содержания и новых методов обучения, выстраивание логики учебных планов, концепция развития школы в целом, совершенно по-новому организованная работа с родителями, но главное —

сотрудничество свободного ученика и учителя как способность сделать собственный выбор.

— *Можно ли проследить продолжение «толстовской линии» в литературе XX века?*

— Конечно, можно, и этому посвящено много работ в толстовиане. Влияние Толстого было огромно. Выдающиеся писатели создавали книги о Толстом (Ромен Роллан, Стефан Цвейг, Анна Зегерс), размышляли о его значении для искусства и философии в статьях и эссе (Томас Манн, Викентий Вересаев, Леонид Леонов, Юрий Бондарев, Франсуа Мориак, Мартен дю Гар и др.), но главное — активно использовали в своем творчестве художественные открытия автора «Войны и мира». Э. Хемингуэй учился у Толстого «писать» войну. За Толстым в изображении войны и человека на войне шли К. Симонов, М. Шолохов, К. Федин, В. Гроссман, В. Некрасов, В. Быков. Открытия Толстого в области сознания и подсознания нашли свое отражение в творчестве Д. Джойса, Ф. Кафки, Г. Гарсиа Маркеса.

По сей день велики разночтения в оценках Толстого — человека, художника, мыслителя. Кто-то видит в нем жестокого, тщеславного, мучаемого гордыней эгоиста, к тому же блудника, отступника от христианства. Кто-то восхищается его «чистотой нравственного чувства», добродетельностью натуры. Одни почитают «величайшим художником мира», другие — «лавкой древности», «гонителем красоты». В. Ленин увидел в нем идеолога наивного русского мужика, «хлюпика, юродствующего во Христе», не способного убивать и стрелять во врагов, О. Шпенглер назвал его «человеком из общества мировой столицы», связанного «с Западом всем своим нутром». Толстовцы провозгласили писателя Апостолом любви, А. Штейнер увидел в нем «провозвестника новой эпохи жизни». Рядом с этим резкие, подчас жесткие определения: «нигилист», «революционер», масон, загадивший «чистые родники русской жизни», наводнивший мир «банальными религиозными мыслями», «мракобес», «антихрист», «дьявол»...

Певец «живой жизни», «ясновидец плоти», а для многих — аскет, у которого, по словам Ф. Ницше, «жизнь кончается там, где начинается «Царствие Божие».

Жалкий подражатель Руссо, замахнувшийся на основы классической дидактики, не сумевший создать ничего путного в педагогике. Яснополянская школа, говорят академики, хороша для деревенских детей, но не более — с них началась, на них и «замкнулась». Академическое высокомерие, изначально преследовавшее Толстого, сегодня возросло во сто крат.

Коллизия поистине трагическая. Толстой — это тайна, которая завораживает и привлекает к себе лучшие умы человечества, которую разгадываешь всю жизнь. Он не был догматиком, «диалектика души», введенная им в арсенал средств искусства до сих пор почти никем не освоена. Опасен и догматический взгляд на Толстого. Опасна однозначность его восприятия. Но созданный им мир нравственных поисков, преобразования человека всегда трогает душу читателя. Он был глубоко верующим человеком, до наивности верующим, служил Богу и ближнему, плоды его трудов до сих пор возвышают душу, обращают человека к себе самому, к поиску смысла жизни, и потому его влияние будет расти по мере того, как будет расти стремление человека к внутреннему совершенствованию.

— *Многие вспоминают, что в свой воронежский период жизни вы писали стихи. Причем, необычным для современной поэзии гекзаметром. А что сегодня? Стихи пишете?*

— Для меня срифмовать две строчки мучительно, но бывали периоды жизни, когда хотелось самовыражения в стихах. Гекзаметром не писал никогда, но любил перечитывать «Илиаду», в ней немало истинно поэтических и христианских страниц. Когда был помоложе, писал большие и малые стихи. Через двадцать лет (это было лет восемь назад) освоил смс и обрел стимул для написания четверостиший. У меня их больше сотни. Тимур Зульфикаров предлагал напечатать. Сначала внутренне был согласен, а потом все это показалось смешным и ненужным. Жанр четверостишия мало разработан в русской поэзии, и если думать о единстве образа и мысли, о содержании четырех строк, то понимаешь, как это сложно. Правда, когда приходит вдохновение, то невольно вспоминаешь Пушкина: «И забываю мир — И в сладкой тишине/Я сладко усыплен моим воображеньем...» В четверостишии не спрячешь душу, а лирический герой ведет себя подчас очень дерзко. Впервые, специально для вашего журнала, рискну привести несколько примеров:

На роковом пути нам встретила тоска.
Она, соединяя наши души,
Вошла по рукоят клинка,
Чтоб мир надежды не разрушить.

* * *

Так ветер греет старую листву,
Так крылья птиц ласкают день грядущий,
Так воскресаю наяву,
Так слышу голос твой зовущий.

* * *

О версты, одиночества участие,
 Не спал и видел даль небес,
 А версты тактом в такт творят несчастье,
 И создается тревог опальный лес

— Спасибо за единство образа и мысли...
 Следующий вопрос такой: вы читали лекцию на факультете, который Вас помнит и считает «своим»? А какие у Вас были сегодня чувства во время встречи с воронежскими филологами 2012 г.?

— Волнение при встрече со студентами-филологами ВГУ было, но с первыми тактами лекции оно утихло и сменилось другим состоянием — эмоциональным сопереживанием. Впечатление от студентов самое благостное. То, о чем говорил, и как слушали, воспринимали студенты, тишина, идущая не от страха перед преподавателем, а от процесса со-постижения сущего, сосредоточенность аудитории, непосредственные отклики слушающих на те или иные фрагменты разговора о Льве Толстом, нашем времени, тайнах педагогического дела — все это жило на уровне большого диалога. И не только в этой аудитории, но и во время общения со студентами других вузов (и не только российских) испытывал всегда чувство искренней радости от молодежи, стремящейся понять смысл жизни, отстаивать свое право на свободу выбора, более всего не любящей начетничества, ханжества, преподавательского терроризма.

Нет плохих студентов. Есть проблема отчуждения преподавательского Слова от студента. Отсюда конфликтность в школах и вузах. Ученик сам по себе, а обучающий сам по себе. Плохо, когда живая лекция мало чем отличается от учебника. Извечная проблема: «Что он Гекубе, что ему Гекуба?». Когда Слово достигает сердца и разума учащегося, тогда и происходит преображение личности. Так хороший актер пробивает брешь в черствой душе зрителя.

Найти нужное слово непросто. Иногда помогает прием «остранения» — ломка привычных контекстов действительности. Часто бывает так: что раньше не замечалось или было второстепенным, становится важным и, как пламенем, охватывает всю твою душу.

Думаю, идущие на смену нам поколения будут иными, но не хуже, а в чем-то (скажем, в вопросах психологической адаптации) и лучше нас.

— Как вы оцениваете состояние современной высшей школы и перспективы гуманитарной области?

— Для того, чтобы оценивать происходящее в высшей школе, надо хорошо знать ре-

альное бытие предмета. Но объективной картины нет. Всевозможные рейтинги не вызывают доверия. Среди главных критериев качества подготовки специалистов выделил бы эффективность работы выпускников вузов и их конкурентную способность на рынке труда. Но вряд ли кто-нибудь сейчас готов выдать подобного рода информацию.

Вуз знаменит научными школами, разработкой в нем фундаментальных исследований, мощной финансовой и материально-технической базой. Конечно, какую-то долю финансирования вуз должен брать на себя. Возможна посильная плата за образование. Но ощутимыми, прежде всего, должны быть государственные вложения. Раздать «всем сестрам по серьгам» не выход из положения. Кинуть госбюджет на группу элитных вузов тоже мало продуктивный метод в такой стране, как наша. Но есть вузы базовые, десятилетиями, а то и столетиями подтверждающие свою жизнеспособность. Вокруг них и должно выстраиваться образование — Оксфорд, Гарвард, МГУ, Воронеж...

Думаю, что высшая школа сегодня переживает самый тяжелый кризис, и это связано, прежде всего, с политической государства в этой области и низким качеством управления сферой высшего образования.

Не в чести сегодня гуманитарные профессии. И это в условиях, когда страна задыхается от невежества, когда оно становится главной причиной гибели русской цивилизации. Но глубоко убежден, что никакие налеты на гуманитарное образование не способны победить тягу человека к культуре. Провозвестников гибели культуры всегда было много. А культура не уничтожена. Потребность в духовном развитии у людей неискоренима.

Люди, занимающиеся сферой образования и культуры, привыкли к «шараханиям» из одной крайности в другую, изуверскому отношению к предшествующим поколениям, перемене концепций развития общества. Те, кто устраивает базар из интеллектуальных и духовных ценностей, плебеи духа, способны лишь на два возгласа: «Не пушать!» и «Разорю!»

И все же смею утверждать, что перспективы гуманитарной области зависят от каждого из нас, связанного с кругом гуманитарных проблем. Нельзя превращать науку в сферу эгоистических интересов, уходить в мелко-темье тогда, когда главное на задворках или далеко от объективной правды. Служение науке всегда бескорыстно, а часто сопряжено с опасностью для жизни. Так было, так есть и, наверное, еще долго будет. Здесь уместно вспомнить любимую французскую пословицу Льва Толстого. Ею он заканчивает свой днев-

ник жизни, умирая в Астапове: «Делай, что должно; будь, что будет».

— Один из уроков жизненного пути Льва Толстого приводит к мысли, что легко любить всё человечество, но трудно любить рядом живущего. Возможно ли, на ваш взгляд, найти какие-то реальные пути к преодолению этого противоречия?

— К этой мысли я довольно часто обращался в экскурсиях и на лекциях. Наблюдения подсказывают, что люди с легкостью провозглашают любовь к человечеству и часто не замечают несчастий рядом живущих, а порой и тиранят их. Где уж там возлюбить врага своего, на зло не ответить злом. Арсенал ненависти, неприязненности велик. Он накапливается с детства, с того момента, когда взрослые начинают унижать ребенка, превращать его в раба своих взглядов и прихотей. Потом приходит тирания школы, вуза, работодателей. Семья выстраивается не на уважении свободы каждого из членов супружеской пары, а на подавлении слабого сильным, борьбы сильного с сильным и т.д. Рождаются дети, и круг, по которому будет мчаться их жизнь, заведомо очерчен.

Все может измениться в одночасье. Болезнь, смерть близкого, социальная катастрофа обнажат эгоизм живущего, пробудят чувство одиночества на миру, выбросят человека за раму привычной жизни. Открывается дорога к мучительной тоске, к распаду личности — кто уходит в пьянство, разгул, кто тешит себя мыслью о самоубийстве, кто начинает мстить рядом живущим, будто кто-то виноват в его никчемной жизни, а кто-то открывает душу навстречу добру и любви, понимая, как мало ему приходилось самому любить и быть любимым, а далее пробуждается любовь ко всему живому, к небу и Богу. Но и здесь не всегда находится место любви к ближнему.

Любовь к тем, кто рядом с тобой, если эта любовь искренняя, изнутри идущая, преобразует человека. Это любовь-служение,

любовь-жертва. Не хотел бы думать, что она требует самоотречения. Без моего «Я» нет никакой любви. И это «Я» тоже нуждается в поддержке. Как только оно начинает любить, начинают любить и его. Может быть, этот процесс долгий, но он есть и он необратим, он рано или поздно заявит о себе, станет реальностью.

Не обижать никого, не осуждать, не кричать на другого. Научиться слушать другого и понимать его, в нужный момент прийти на помощь, вывести кого-то из кризисного состояния, разделив с ним минуты горя. Через любовь к конкретному существу проявляется любовь к Богу, а значит и ко всем живущим на земле людям. Твоя любовь к ближнему и есть служение человечеству. Чем больше будет таких людей, тем меньше будет в мире зла. При такой любви нет возвышения над другим человеком, здесь не имеет значения возраст, национальность, форма религиозного вероисповедания. Культура любви, напротив, предполагает всеотзывчивость и всемирность человека. Любовь к ближнему, рядом живущему не отменяет национально-исторических чувствований, но поднимает их на ту высоту нравственного развития, о которой мечтали и мечтают все мудрецы мира.

Известно научное утверждение, что человечество выжило благодаря закону любви, но не закону насилия и борьбы за существование.

Ситуация в современном обществе напоминает «родо-племенные» отношения, но не за ними будущее. Они рассыпятся так же, как любая империя, где золото было выше совести, а «публика» требовала «хлеба и зрелищ».

Но добро, хотя и хрупко (разломать легче, чем сделать), но все равно неизмеримо сильнее зла. Мысль просветительская, она и евангельская. Она одна превыше всего. Как педагог и музейных дел мастер всегда так думал и думаю.

Вопросы задавала Тамара Дьякова